

СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ЯЗЫКАХ АГГЛЮТИНАТИВНОГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА)

Г.С. Иванова, И.Я. Жебраткина

Аннотация. Представленная работа является результатом проведенного исследования в сфере диалектологии мокшанского языка. Целый ряд ученых, зарубежных и отечественных, исследовали диалекты мокшанского языка. Среди них А. Регули, Х. Паасонен, В. Штейниц, Э. Итконен, Д.В. Бубрих, Р. Бартенс, Ю.Н. Азрапкин, К.И. Ананьина, А.П. Феоктистов, С.З. Деваев, Г.С. Иванова и др. Однако полного описания диалектов мокшанского языка до сих пор представлено не было. В первую очередь, это касается определенной группы мокшанских говоров – паёвско-адашевских, которые ранее не подвергались детальному рассмотрению. Паёвско-адашевские говоры мокшанского языка распространены в южной части Республики Мордовия на территории Инсарского, Кадошкинского, Ковылкинского районов. Цель данного исследования заключается в детальном описании словоизменительного потенциала имени существительного в паёвско-адашевских говорах мокшанского языка и на их основе выделении их из числа других говоров мокшанского языка в отдельную группу. Методологической базой являются основные положения теории словоизменения как зарубежных, так и отечественных исследователей. В качестве основного метода определен синхронно-описательный, предполагающий непосредственное наблюдение, анализ, классификацию языковых фактов; при междиалектном исследовании использовался метод сравнительного анализа; помимо этого – сравнительно-исторический метод как средство восстановления определенных исторических аспектов. Говоры мокшанского языка отличаются друг от друга фонетическими, морфологическими и лексическими признаками, что напрямую связано с территориальной разобщенностью мокшан, вызванной миграционными процессами. Анализ диалектного материала показал, что ярко выраженных границ распространения того или иного языкового явления нет. Паёвско-адашевские говоры имеют особенности, свойственные разным диалектам мокшанского языка: центральному, юго-восточному, западному, переходному. Однако исключительность исследуемых говоров заключается в том, что они обладают уникальным словоизменительным потенциалом, позволяющим отделить их от других говоров и детерминировать как отдельную группу в системе мокшанских диалектов.

Ключевые слова: мокшанский язык; паёвско-адашевские говоры; имя существительное; морфологические особенности; словоизменение; основное склонение; указательное склонение; притяжательное склонение; падежные форманты; агглютинация.

Введение

Актуальность выбранной темы не вызывает сомнения. Диалектные особенности любого языка всегда будут привлекать внимание ученых-лингвистов, и мокшанские говоры не являются исключением.

Мокшанские диалекты не являются однородными, каждый из них обладает целым комплексом фонетических, морфологических, лексических особенностей, вызванных разными факторами, как внутриязыковыми, так и внешними. «Диалектная разобщенность в первую очередь связана с ассимилятивными процессами, которые вызваны миграцией мокшанского населения» [1. С. 24].

Первыми исследователями мокшанских говоров были иностранцы (Н.К. Витсен, Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, Х. Паасонен и др.), которые в составе научных экспедиций или самостоятельно передвигались по территории Российской империи и собирали сведения по языкам проживающих в ней народов, в том числе и мордовцев. Часто им помогали известные люди. Так, в качестве информанта у Н.К. Витсена был сам патриарх Никон. Результатом таких экспедиций чаще всего были словарные статьи, фрагментарные записи образцов диалектной речи с несовершенной транскрипцией, которые после обработки издавались за границей. Первый мордовский словарь был опубликован на голландском языке в 1692 г. в книге Н. Витсена «Noord und oost Tartarye...» в Амстердаме [2. С. 10–11]. Фонетическая сторона многих мокшанских говоров была изучена и описана финскими и венгерскими учеными (Х. Паасоненом [3], Э. Итконеном [4], Р. Бартенс [5], Л. Керестешем [6] и др.). Монографическая работа Х. Паасонена «Mordwinische Lautlehre» явилась событием в исследовании фонетики мокшанских и эрзянских диалектов, которая не теряет своей актуальности до настоящего времени.

Вопросы синхронической и исторической морфологии мордовских языков освещены в известных работах Д.В. Бубриха [7], Б.А. Серебренникова [8].

Морфологические особенности паёвско-адашевских говоров мокшанского языка до сих пор не были предметом специального изучения. Ранее полученные диалектные данные свидетельствуют о близости паёвско-адашевских говоров мокшанского языка к атюрьевскому диалекту [9], юго-западным говорам западного диалекта [10], а также части говоров центрального диалекта [11]. В определенных аспектах описываемые говоры подобны рыбкинско-мамолаевским говорам [12], сузгарьевско-болдовско-палаевским [13] и торбеевским говорам мокшанского языка [14]. Но в то же время паёвско-адашевские говоры мокшанского языка обладают множеством уникальных реляционных признаков, позволяющих заключить, что морфологические свойства

имени существительного отделяют их от других говоров мокшанского языка и дают возможность выделить их как отдельную группу в системе мокшанских диалектов.

Цель данного исследования заключается в детальном описании словоизменительного потенциала имени существительного в паёвско-адашевских говорах мокшанского языка и на их основе выделении их из числа других говоров мокшанского языка в отдельную группу.

Объект исследования – паёвско-адашевские говоры мокшанского языка, распространенные в южной части Республики Мордовия на территории Инсарского, Кадошкинского, Ковылкинского районов, а также Пензенской области (населенные пункты: Новое Пшенево [ot pš'en'], Старое Пшенево [s'əg' rəš'en'], Старое Дракино [s'əg' draka], Мордовское Коломасово [mokšən' kolamas], Подгорное Алёксово [kaləš] – Ковылкинский район; Мордовская Паёвка [pojvəl'n'e], Старые Верхиссы [isa vəl'e] – Инсарский район; Паёво [pojvəl'], Глушково [kələška], Алякс [al'aks] – Кадошкинский район; Мордовская Поляна [kužā], Анаево [anaju] – Zubovo-Полянский район; Старое Шайгово [c'əg' šajgav], Новая Теризморга [t'əg'əzmorga], Темяшево [t'emäž vel'e] – Старо-Шайговский район; Зайцево [sajc'ä], Мордовские Парки [paRka] – Краснослободский район; Новые Пичуры [od pičura], Мордовская Муромка [vjršən' murəmka], Пичелей [pičəlej] – Пензенская область). Диалектный материал собран в полевых условиях студентами и преподавателями филологического факультета Мордовского государственного университета во время ежегодных экспедиций в период с 2000 по 2017 г.

Научное основание исследования

Научным основанием исследования послужила, с одной стороны, научная концепция профессора А.П. Феоктистова, который в своей последней классификации мокшанских диалектов, опубликованной в первом томе «Mordwinišes Wörterbuch» Н. Паасонена на основе трех лингвистических принципов: фонетического, морфологического, лексического, а также территориального принципа, выделяет пять диалектных типов: центральный, юго-восточный, западный, переходный и смешанный [15]. Однако при более внимательном изучении классификации можно увидеть, что преобладающими являются фонетический и территориальный принципы, менее задействован морфологический принцип. С другой стороны, основанием явилась научная теория ученых-мордоведов, изложенная в монографических работах по отдельным мокшанским диалектам: средневадскому [10], темяшевскому [16], рыбкинско-мамолаевским [12], колопинским [17], городищенскому [18], верхнее-алатырским [19] о разнотипном фонетическом оформлении падежных маркеров и связанных с ними закономерностях.

Методология

Методологической базой исследования являются основные положения теории словоизменения как отечественных [1, 7, 8, 10, 13, 16, 17, 19–21], так и зарубежных ученых [4–6].

Для проведения исследования мы обращались к синхронным методам: собственно описательному, методу сравнительного анализа, а также сравнительно-историческому методу. В качестве основного метода определен синхронно-описательный, предполагающий изучение диалекта на одном историческом этапе его развития. Используя прием непосредственного наблюдения, анализ, классификацию языковых фактов, данный метод способствовал последовательному восприятию языковых фактов и позволил полному раскрытию текущего состояния словоизменительных особенностей имени существительного в рассматриваемых говорах.

При междиалектном исследовании использовался метод сравнительного анализа, который помог выявить морфологические диалектизмы в представленных оппозициях; в качестве средства восстановления определенных исторических аспектов применялся сравнительно-исторический метод.

Работа проводилась поэтапно. Первый этап был отведен рассмотрению базовых теоретических и методологических ресурсов для постановки проблемы, определена степень ее изученности в научной литературе, сформулированы общие положения. Второй этап посвящен непосредственному изучению и анализу фактического материала, проведению междиалектных и межъязыковых параллелей. Наша задача заключалась в исследовании и детальном описании словоизменительного потенциала имени существительного в паёвско-адашевских говорах мокшанского языка.

Исследование и результаты

В мокшанском языке употребляются те же части речи, что и в русском, исключение составляют послелоги, которые выполняют функцию предлогов, однако занимают постпозицию по отношению к словам, к которым они относятся. Существительное имеет три типа склонения: основное, или неопределенное, указательное, или определенное, притяжательное [7, 22]. Причем по особенностям мокшанского языка, одно и то же существительное может склоняться по всем трем склонениям. Номинатив основного склонения единственного числа одновременно является исходной формой, в косвенных падежах принимает соответствующие падежные форманты; в указательном склонении к основе существительного присоединяются суффиксы определенно-

сти, которые указывают на конкретный предмет; в притяжательном склонении падежные форманты дополняются суффиксами принадлежности [20–24].

В паёвско-адашевских говорах в основном склонении выделяется 13 падежей: номинатив (*kije? miz'e?* «кто? что?»), генитив (*kin'? miz'ən'?* «кого? чего?»), датив (*kin'd'i? min'd'i?* «кому? чему?»), аблатив (*kida? miz'd'e?* «от кого? от чего?»), инессив (*kin' isa? mizsa?* «в ком? в чем?»), элатив (*kin' mizsta? mizsta?* «от кого? от чего?»), *kosta?* «откуда?»), иллатив (*kin' is? mizs? koza?* «в кого? во что? куда?»), латив (*koza?* «куда?»), пролатив (*kin izga? miz'ge? k(ə)van'e?* «по чему? где?»), компаратив (*kin' eška? mižška?* «с кого? с чего?»), абессив (*kiftəma? miz'ft'əme?* «без кого? без чего?»), транслатив (*ki laca? miz'ks?* «как кто? как что?»), каузатив (*kin' iŋksa? miz'əŋksa?* «из-за чего? из-за кого?»).

В основном склонении отдельный показатель множественного числа имеется лишь в номинативе, который выступает в двух вариантах – *-t* и *-t'*. Вариант *-t* присоединяется к основе на твердый согласный, гласный (исключение составляют многосложные слова, оканчивающиеся на *i*); *-t'* – к основе на мягкий согласный, в многосложных словах – к основам на *i*. Причем присоединение форманта множественности всегда сопровождается оглушением ауслатного звонкого согласного основы, например: *vaz – vas-t* «теленки – телята», *š'ir' – š'iR-t* «сторона – стороны», *varma – varma-t* «ветер – ветра»; *paŋ' – paR'-t'* «кадушечка – кадушечки»; сонорные *m, n, n'* переходит в *p, t, t'*: *š'š'am – š'š'ap-t* «одежда», *jan – jat-t* «тропа – тропы», *əlman' – əlmat'-t'* «сноха (старшая) – снохи (старшие)».

В косвенных падежах один и тот же формант является показателем и единственного и множественного числа (табл. 1). Формы косвенных падежей можно различить только в контексте.

Небольшая группа номинантов употребляется только во множественном числе (среди них есть и заимствования): *vas'əmb'ijəL'-t'* «ножницы», *štana-t* «брюки», *poŋks-t* «штаны», эту группу могут пополнить парные существительные, например *sazəRt-pel'n'ət'* «сестры-братья», *trakst-učat* «коровы-овцы» и др.

В паёвско-адашевских говорах некоторые имена, заимствованные из русского языка, выступают как в единственном, так и во множественном числе, в то время как в русском языке они имеют форму только одного числа, или единственного, или множественного, например: *lapša – lapšat* «лапша – лапша (мн. ч.)» (*t'e lapša* «это лапша», но *lapšat pid'ət'?* «лапшу сварил?»); *pal'ta – pal'tat* «пальто – пальто (мн. ч.)» (*paman' fk'e pal'ta* «купил (а) одно пальто», но *paman' kaftə pal'tat* «купил (а) два пальто»).

«Агглютинация падежных аффиксов и их вариантов происходит согласно закономерности и зависит от гласного первого слога и фонетического оформления конца основы слова. Поэтому все именные основы делятся на две группы: вокалические и консонантные» [13. С. 105].

Таблица 1

Парадигма основного склонения

Номинатив	–	azər jan	«хозяин»	azər- t	«хозяева»
Генитив	-n'	azərə-n'	«хозяина, хозяев»		
Датив	-n'd'i	azərə-n'd'i	«к хозяину, к хозяевам»		
Аблатив	-ta, -da, -t'e, -d'e	azər-da	«от хозяина, от хозяев»		
Инессив	-sa, -ca	azər-sa	«в хозяине, в хозяевах»		
Элатив	-sta, -cta	azər-sta	«у хозяина, у хозяев»		
Латив	-v, -u, -i	–			
Илллатив	-s, -c	azər-s	«за хозяином, за хозяевами»		
Пролатив	-va, -ga, -g'e, -ka, -k'e	azər-ga	«по хозяину, по хозяевам»		
Компаратив	-ška, -č'ka / -čka	azər-ška	«с хозяина, с хозяев»		
Абессив	-ftəma, -ft'əme	azər-ftəma	«без хозяина, без хозяев»		
Транслатив	-ks	azər-ks	«как хозяин, как хозяева»		
Каузатив	-ŋksa	azərə-ŋksa	«из-за хозяина, из-за хозяев»		

В паёвско-адашевских говорах основы на гласный можно разделить на следующие типы:

1) основы, где конечный гласный сохраняется во всей парадигме; сюда стоит отнести те, которые оканчиваются: на широкий гласный; редуцированный гласный ə < *i, *u, *ü, которому предшествует одинарный согласный; на гласный i (< *i, *e), например: aka «тетя» – aka-n' «тети» – aka-da «от тети» – aka-ftəma «без тети» – aka-sta «с тети»; ula «подбородок» – ulə-n' «подбородка» – ulə-da «от подбородка» – ulə-s «в подбородок» – ulə-sta «с подбородка»; pin'e «собака» – pin'ə-n' «собаки» – pin'ə-d'e «от собаки» – pin'ə-s «в собаку» – pin'ə-sta «из собаки» – pin'ə-ft'əme «без собаки»; v'i «ночь» – v'i-n' «ночи» – v'i-da «от ночи» – v'i-sta «с ночи» – v'i-ft'əme «без ночи»; kš'i «хлеб» – kš'i-n' «хлеба» – kš'i-d'e «от хлеба» – kš'i-sta «с хлеба» – kš'i-va «по хлебу»;

2) основы, где конечный гласный в некоторых падежных формах выпадает; это основы на редуцированный гласный ə < *e, *a, которому предшествует взрывной согласный (k, g, t, d, t', d'); выпадение наблюдается в формах аблатива, инессива, элатива, илллатива, абессива, наряду с выпадением звонких взрывной согласный, оказавшийся перед глухим согласным суффикса, оглушается, в результате регрессивной контактной ассимиляции, например: polga «стая» – polk-ta «от стаи» – polk-sa «в стае» – polk-sta «из стаи» – polk-s «в стаю» – polk-ftəma «без стаи»;

3) основы, в которых на морфемном шве происходит перенос артикуляции конечного переднерядного гласного к заднему ряду; это ос-

новы на гласный е (< *ä) // а; данное фонетическое явление наблюдается перед твердым парным или непарным согласным, например: t'er'e «мама» – t'er'e-n' «мамы» – t'er'e-n'd'i «маме», но t'er'a-da (аблатив) «от мамы» – t'er'a-sa (инессив) «в маме» – t'er'a-sta (элатив) «от мамы» – t'er'a-s (иллатив) «в маму» – t'er'a-va (пролатив) «по маме» – t'er'a-ška (компаратив) «с маму» – t'er'a-ks (транслатив) «в маму» – t'er'a-ftəma (абессив) «без мамы» – t'er'a-ŋksa (каузатив) «из-за мамы»;

4) основы, которые в общемордовском языке оканчивались на дифтонгические сочетания i < *ij (*ĭj), u < *uv, откуда в период исторического развития мокшанского языка конечный согласный выпал, он восстанавливается перед сонорным согласным, например: kulu «зола» – kuluv-ən' «золы» – kuluv-ən'd'i «золе» – kuluv-əŋksa «из-за золы»; kin'd'i «овод» – kin'd'ij-ən' «овода» – kin'd'ij-ən'd'i «оводу» – kin'd'ij-əŋksa «из-за овода». Перед формантом множественного числа согласные v, j оглушаются, например kuluf-t, kin'd'iš'-t'.

«Консонантные основы в форме генитива, датива, каузатива перед сонорным согласным суффикса приобретают интерфиксальный гласный: tov «семья» – tov-ə-n' «семени» – tov-ə-n'd'i «к семени» – tov-ə-ŋksa «за семенем»; lajmar' «черемуха» – lajmar'-ə-n' «череёмухи» – lajmar'-ə-n'd'i «к черемухе» – lajmar'-ə-ŋksa «за черемухой» [22. С. 15].

Особенностью финно-угорских языков является действие закона сингармонизма [4, 7], который в той или иной степени сохранился в современном мокшанском языке [13]. Данное фонетическое явление большую реализацию находит в диалектах, где проявляется в агглютинации разновариантных падежных формантов. Остановимся на этом подробнее.

Номинатив падежного показателя не имеет; значение – назывное: kal «рыба», p'iz'əm «дождь», šekšata «сорока»;

Падежные форманты генитива (-n'), датива (-n'd'i), каузатива (-ŋksa) присоединяются только к гласной основе:

ген.: škola – škola-n', «школа – школы», ava – ava-n' «женщина – женщины», pr'e – pr'e-n' «голова – головы», s'il'me – s'il'mə-n' «глаз – глаза», k'i «тропа» – k'i-n' «тропы» (основное значение – предмет, которому что-либо принадлежит; материал, из которого предмет состоит);

дат.: škola-n'd'i «к школе», ava-n'd'i «к женщине», pr'e-n'd'i «к голове», s'il'mə-n'd'i «к глазу», k'i-n'd'i «к тропе» (основное значение – объект действия);

кауз.: škola-ŋksa «из-за школы», ava-ŋksa «из-за женщины», pr'a-ŋksa «из-за головы», s'il'mə-ŋksa «из-за глаза», k'i-ŋksa «из-за дороги»; (основное значение – причина, цель совершаемого действия).

Если в номинативе имя существительное оканчивается на согласный, то основа генитива, датива, каузатива удлиняется интерфиксальным гласным, например: šov – šovə-n' – šovə-n'd'i – šovə-ŋksa «пена – пены – к пене – из-за пены», val – valə-n' – valə-n'd'i – valə-ŋksa «слово –

слова – к слову – из-за слова», il'i – il'ijə-n' – il'ijə-n'd'i – il'ijə-ŋksa «прут – прута – к пруту – из-за прута».

Падежные форманты аблатива – -ta, -t'e, -da, -d'e; формант с глухим твердым согласным и гласным заднего ряда -ta присоединяется к основе существительного на глухой твердый согласный; формант с глухим мягким согласным и гласным переднего ряда -te присоединяется к основе на глухой мягкий согласный и гласный переднего ряда; аналогичным образом происходит агглютинация формантов со звонкими согласными -da, -d'e: kut-ta «от дома», k'et-t'e «от руки», šov-da «от пены», t'iv-d'e «от дела» (основное значение – предмет или лицо, с которым сравнивается какой-то предмет; причина действия; предмет, от которого что-либо отделяется).

Падежные форманты инессива – -sa, -sa (основное значение – орудие совершаемого действия; место нахождения предмета; предмет, который чем-либо испачкан или покрыт), элатива – -cta, -sta (основное значение – материал, из которого создан предмет; место совершаемого действия); иллатива – -c, -s (основное значение – цель, причина действия; предел совершения действия), компаратива – -ška, -čka /-č'ka (основное значение – сравнение предмета с другим предметом; приблизительное количество, меру и единицу измерения); форманты с аффрикатой -ca, -cta, -c; -čka/-č'ka агглютинируют к основам на сонорные согласные n, n'; шумные d, d', t, t' (сюда же следует отнести основы с выпавшим редуцированным гласным ауслаута): kran – kran-ca – kran-cta – kran-c – kran-čka «кран – на кране – с крана – на кран – с кран»; kud – ku-ca – ku-cta – ku-c – ku-čka «дом – дома – из дома – в дом – с дом»; panda – pan-ca – pan-cta – pan-c pan-čka «гора – на горе – с горы – в гору – с гору»; t'itrat' – t'itrat'-ca – t'itrat'-cta – t'itrat'-c – t'itra-č'ka «тетрадь – в тетради – из тетради – в тетрадь – с тетрадь».

К остальным основам присоединяется падежные форманты с щелевым согласным (-sa, -sta, -c, -ška-): əl'c'e – əl'c'a-sa – əl'c'a-sta – əl'c'a-s – əl'c'a-ška «улица – на улице – с улицы – на улицу – с улицу»; vaz' – vaz'-sa – vaz'-sta – vaz'-s – vaz'-ška «шапка – в шапке – с шапки – в шапку – с шапку» и т.д.

Падежные форманты латива – -v, -i, -u; -v присоединяются к гласной основе; -u – к твердому согласному основы; -i – к мягкому согласному основы; (основное значение – направление), например škola-v «в школу», vīr'-i «в лес», kud-u «в дом».

В паёвско-адашевских говорах падежных формантов пролатива пять – -va, -ga, -g'e, -ka, -k'e; формант -va агглютинирует только к гласной основе; формант со звонким твердым -ga – к звонкому твердому согласному основы; формант со звонким мягким -g'e – к звонкому мягкому согласному основы; соответственно присоединяются форманты -ka, -k'e: первый – к глухому твердому согласному основы, второй – к

глухому мягкому согласному основы, например: t'el'me – t'el'mə-va «веник – по венику», lov – lov-ga «снег – по снегу», karksiz'əm – karksiz'əm-g'e «пояс – по поясу», karaf – karaf-ka «ров – по рву», pičf – pičf-ke «горбушка – по горбушке» (основное значение – предмет, по которому что-либо перемещается; предмет, указывающий на уровень чего-либо).

Падежные форманты абессива – -ftəma, -ft'əme (основное значение – отсутствующий предмет); формант с твердым согласным и гласным заднего ряда (-ftəma) агглютинирует к твердому согласному и гласному заднего ряда основы, формант с мягким согласным и гласным переднего ряда (-ft'əme), соответственно, – к мягкому согласному и гласному переднего ряда основы, например: роčf-ftəma «без муки», vit'-ft'əme «без воды», rra-ftəma «без головы», pič'ə-ft'əme «без сосны».

Если в других говорах мокшанского языка падежный формант транслатива (-ks) присоединяется и к гласной, и согласной основе, то в паёвско-адашевских говорах – только к гласной основе: непосредственно к конечному гласному или через интерфикс: raba – raba-ks «бабушка – в бабушку», ruR'c – ruR'cə-ks «поросенок – в поросенка», kud – kudə-ks «дом – в дом» (в других диалектах baba-ks, ruR'cə-ks, но kut-ks; (основное значение – сходство с каким-либо предметом; превращение во что-либо).

Вокатив в паёвско-адашевских говорах образуется при помощи суффиксов -j, -nej, -kaj (в других говорах – -j, -kaj); суффикс -j выражает обращение к кому-либо: s'ər' š's'et'ej «прадедушка (по линии матери)», t'er'ej «мама», al'ej «папа», rabaj «бабушка (по линии отца)», s'ər'(ə) babaj «прабабушка (по отцу)», s'ər' at'ej «прадедушка (по линии отца)»; часто перед rat'ej «дядя» называются мужские имена: il'ka bat'ej «дядя Илья», roŋ'ka bat'ej «дядя Боря». Суффикс -kaj (< -ka- + -j < aka «тетя» + -j) обозначает обращение к женским личным именам: man'a-kaj «тетя Маня» (< man'e + aka + -j), iŋa-kaj «тетя Ира» (< iŋa + aka + -j). Суффикс -n'ej (< -n'e- + j) может присоединяться ко всем именам: к собственным, нарицательным, мужским, женским: š's'et'e-n'ej «дедушка – мой», van'e rat'e-n'ej «дядя Ваня – мой», š's'ava-n'ej «бабушка – моя».

В женских собственных именах суффикс -n'ej часто присоединяется к вокативу на -kaj с выпавшим конечным формантом, например: vala-ka-n'ej «тетя Валечка – моя».

В паёвско-адашевских говорах парадигма указательного склонения и в единственном и во множественном числе насчитывает три падежа: номинатив, генитив, датив [21].

В агглютинации одновариантных формантов генитива (-t') и датива (-t'i) особых отклонений от литературного языка не наблюдается: они присоединяются ко всем типам основ.

Падежные форманты номинатива -c', -s' присоединяются к разным типам основ: -c' – к основам на конечные сонорные n, n', взрывные d, d', t, t'; -s' – ко всем остальным:

san «артерия», kud «дом»

Ед. ч.

ННом.	- c', -s'	san'-c'	«эта артерия»	ku- c'	«этот дом»
ГГен.	- t'	san'-t'	«этой артерии»	kut'-t'	«этого дома»
ДДат.	- t'i	san'-t'-t'i	«к этой артерии»	kut'-t'i	«к этому дому»

polga «стая», pike «живот»

Ед. ч.

Ном.	polk-s' «эта стая»	pik-s' «этот живот»
Ген.	pol'k-t' «этой стаи»	pik-t' «этого живота»
Дат.	pol'k-t'i «этой стае»	pik-t'i «этому животу»

Множественное число указательного склонения представлено формантами -n'e, -t'n'e.

Формант -t'n'e сложный, состоит из суффикса множественного числа -t' < -*t и суффикса указательной множественности n'e, восходящего к указательному местоимению ne < *n'ä «эти». Он присоединяется к основам на согласные d, d', t, t', n, n' (сюда относим также основы с выпавшим редуцированным: šufta «дерево» – šuft-t'n'e) и на гласный, исключение составляют гласные из дифтонгических сочетаний:

ki «дорога», san «артерия»

Мн. ч.

Ном.	-n'e, -t'n'e	ki-t'n'e	«эти дороги»	sat'-t'n'e	«эти артерии»
Ген.	-n'ə-n', -t'n'ə-n'	ki-t'n'ə-n'	«этих дорог»	sat'-t'n'ə-n'	«этих артерий»
Дат.	-n'ə-n'd'i, -t'n'ə-n'd'i	ki-t'n'ə-n'd'i	«к этим дорогам»	sat'-t'n'ə-n'd'i	«к этим артериям»

Формант -n'e < -t'n'e присоединяется ко всем остальным основам. О скрытом присутствии в таких формах суффикса множественного числа -t / -t' напоминает оглушенный в результате регрессивной контактной ассимиляции конечный согласный основы, например: val «слово» – vaL-n'e «эти слова», vij «сила» – viŠ'-n'e «эти силы», uŠtər «клен» – uŠtərR'-n'e «эти клены».

После взрывного согласного редуцированный гласный основы выпадает, например:

polga «стая», pike «живот»

Мн. ч.

Ном.	pol'k-n'e «эти стаи»	pik-n'e «эти животы»
Ген.	pol'k-n'ə-n' «этих стай»	pik-n'ə-n' «этих животных»
Дат.	pol'k-n'ə-n'd'i «этим стаям»	pik-n'ə-n'd'i «этим животам»

Начиная с аблатива, значения падежей передаются формой генитива с соответствующим послелогом: mor-t' izda «из песни», mor-t' isa «в песне», mor-t' izda «из песни», mor-t' is «в песню» и т.д.

В притяжательном склонении паёвско-адашевских говоров отсутствуют транслатив и каузатив. Существительные изменяются по шести рядам: mon' «мой», ton' «твой», son' «его», min' «наш», t'in' «ваш», s'in' «их».

Особенность парадигмы притяжательного склонения заключается в том, что кроме падежных формантов они содержат посессивные маркеры, которые, выражая принадлежность 1-, 2- и 3-му лицу единственного или множественного числа, дифференцируются по числу обладаемых и обладателей [20, 21]. Расположение посессивных маркеров и падежных формантов таково: до аблатива посессивные маркеры предшествуют падежным формантам, начиная с аблатива, они меняются местами – падежные форманты предшествуют посессивным (табл. 2).

При одном обладателе и одном обладаемом посессивные маркеры следующие: -z'e «мой», -c'e «твой», -с «его» – до аблатива; -n, -t, -nza – начиная с аблатива.

s'il'me «глаз», t'iv «дело», s'il'ge «бородавка»

1-е л. s'il'mə-z'e «мой глаз», t'ivə-z'e «мое дело», s'il'gə-z'e «моя бородавка»

2-е л. s'il'mə-c'e «твой глаз», t'iv-c'e «твое дело», s'il'k-c'e «твоя бородавка»

3-е л. s'il'mə-с «его глаз», t'ivə-с «его дело», s'il'gə-с «его бородавка»

Маркеры посессивности при одном обладателе и множестве обладаемых: -ne, -t'n'e/-n'e, -ndza – до аблатива; начиная с аблатива, они аналогичны маркерам при одном обладателе и одним обладаемым – -n, -t, -ndza.

1-е л. s'il'mə-n'e «мои глаза», t'iv(ə)-n'e «мои дела», s'il'gə-n'e «мои бородавки»

2-е л. s'il'mə-t'n'e «твои глаза», t'if-n'e «твои дела», s'il'k-n'e «твои бородавки»

3-е л. s'il'mə-ndza «его глаза», t'ivə-ndza «его дела», s'il'gə-ndza «его бородавки»

Как видно из примеров, в форме 2-го лица посессивный суффикс выступает в двух вариантах – -t'n'e/-n'e: -t'n'e и присоединяется к основам на гласный (исключение составляют основы на гласный *i* в многосложных словах) и согласные *d*, *d'*, *t*, *t'*, *n*, *n'*: *pona* «волос» – *pona-t'n'e* «твои волосы», *s'id* «мост» – *s'it'-t'n'e* «твои мосты», *jan* «тропа» – *jat'-t'n'e* «твои тропы» и др.; к остальным основам прибавляется вариант -n'e: *kin'əɾ* «локоть» – *kin'əɾ'-n'e* «твои локти», *l'ifks* «птенец» – *l'ifks-n'e* «твои птенцы», *vanî* «пастух» – *vanîš'-n'e* «твои пастухи».

При множестве обладателей и одним или множестве обладаемых маркеры посессивности одни и те же (-n'ke «наш, наши», -n't'e «твой, твои», -sna «их» – до аблатива; -nk, -nt, -st – начиная с аблатива).

1-е л. s'il'mə-n'ke «наш глаз», t'ivə-n'ke «наше дело», s'il'gə-n'ke «наша бородавка»

2-е л. s'il'mə-n't'e «ваш глаз», t'ivə-n't'e «ваше дело», s'il'gə-n't'e «ваша бородавка»

3-е л. s'il'mə-sna «их глаз», t'iv-sna «их дело», s'il'k-sna «их бородавка»

1-е л. s'il'mə-n'ke «наши глаза», t'ivə-n'ke «наши дела», s'il'gə-n'ke «наши бородавки»

2-е л. s'il'mə -n't'e «ваши глаза», t'ivə-n't'e «ваши дела», s'il'gə-n't'e «ваши бородавки»

3-е л. s'il'mə-sna «их глаза», t'iv-sna «их дела», s'il'k-sna «их бородавки»

При одном и множестве обладаемых и множестве обладателей посессивный маркер 3-го лица может иметь и форму -сна, это наблюдается в том случае, если основа слова оканчивается на n, n' d, d', t, t', например: kid' «шкура» – ki-сна «их шкура, их шкуры», š'ovən' «затылок» – š'ovən'-сна «их затылок, их затылки».

Таблица 2

Парадигма притяжательного склонения

Ряд mon' «мой» t'iv «дело»		
Ном.	t'iv(ə)-z'e «мое дело»	t'iv(ə)-n'e «мои дела»
Ген.	t'iv(ə)-z'ə-n' «моего дела»	t'iv(ə)-n'ə-n' «моих дел»
Дат.	t'iv(ə)-z'-t'i «моему делу»	t'iv-n'ə-n'd'i «моим делам»
Абл.	t'iv-də-n «от моего дела»	«от моих дел»
Инес.	t'iv-sə-n «в моем деле»	«в моих делах»
Элат.	t'iv-stə-n «из моего дела»	«из моих дел»
Иллат.	t'iv(ə)-z-ə-n «в мое дело»	«в мои дела»
Прол.	t'iv-ga-n «по моему делу»	«по моим делам»
Абес.	t'iv-ftəmə-n «без моего дела»	«без моих дел»
Ряд ton' «твой»		
Ном.	t'iv-c'e «твое дело»	t'if-n'e «твои дела»
Ген.	t'iv-c'ə-n' «твоего дела»	t'if -n'ə-n' «твоих дел»
Дат.	t'iv-c'-t'i «твоему делу»	t'if-n'ə-n'd'i «твоим делам»
Абл.	t'iv-də-t «от твоего дела»	«от твоих дел»
Инес.	t'iv-sə-t «в твоём деле»	«в твоих делах»
Элат.	t'iv-stə-t «из твоего дела»	«из твоих дел»
Иллат.	t'iv(ə)-z-ə-t «в твое дело»	«в твои дела»
Прол.	t'iv-ga-t «по твоему делу»	«по твоим делам»
Абес.	t'iv-ftəmə-t «без твоего дела»	«без твоих дел»
Ряд son' «его»		
Ном.	t'iv(ə)-c «его дело»	t'iv(ə)-ndza «его дела»
Ген.	t'iv(ə)-n-c «его дела»	t'iv(ə)-ndzə-n «его дел»
Дат.	t'iv(ə)-n-c-t'i «его делу»	t'iv(ə)-ndzə-ndi «его делам»
Абл.	t'iv-də-ndza «от его дела»	«от его дел»
Инес.	t'iv-sə-ndza «в его деле»	«в его делах»
Элат.	t'iv-stə-ndza «из его дела»	«из его дел»
Иллат.	t'iv(ə)-z-ə-ndza «в его дело»	«в его дела»
Прол.	t'iv-ga-ndza «по его делу»	«по его делам»
Абес.	t'iv-ftəmə-ndza «без его дела»	«без его дел»

В рядах min' «наш», tin' «ваш» сохранился суффикс множественности обладателей -нə-: t'iv-sə-nə-k «в наших делах», t'iv-sə-nə-nt «в ваших делах» и т.д., в.м. t'iv-sə-nk «в наших делах», t'iv-sə-nt других диалектов.

Ряды min' «наш», t'in' «ваш», s'in' «их»

t'iv(ə)-n'ke «наше дело, наши дела», t'iv(ə)-n't'e «ваше дело, ваши дела», t'iv-sna
«их дело, их дела»

Ном.	t'iv(ə)-n'ke	t'iv(ə)-n't'e	t'iv-sna
Ген.	t'iv(ə)-n'kə-n'	t'iv(ə)-n't'ə-n'	t'iv-snə-n
Дат.	t'iv(ə)-n'kə-n'd'i	t'iv(ə)-n't'ə-n'd'i	t'iv-snə-ndi
Абл.	t'iv-də-nə-k	t'iv-də-nə-nt	t'iv-də-st
Инес.	t'iv-sə-nə-k	t'iv-sə-nə-nt	t'iv-sə-st
Элат.	t'iv-stə-nə-k	t'iv-stə-nə-nt	t'iv-stə-st
Иллат.	t'iv(ə)-z-ə-nə-k	t'iv(ə)-z-ə-nə-nt	t'iv(ə)-z-ə-st
Прол.	t'iv-ga-nə-k	t'iv-ga-nə-nt	t'iv-ga-st
Абес.	t'iv-ftəmə-nə-k	t'iv-ftəmə-nə-nt	t'iv-ftəmə-st

При агглютинации посессивных и падежных аффиксов на стыке морфем наблюдаются те же фонетические процессы, что и в других склонениях, это восстановление дифтонгического сочетания (i < *ij) перед интерфиксом с последующим сонорным или щелевым: in'əz'ij-ə-z'e «моя малина (одна)», in'əz'ij-ə-n'e «моя малина (много)»; в форме множественного числа звонкие согласные претерпевают оглушение, впоследствии в известных основах сам показатель множественного числа t выпадает: in'əz'iš'-n'e «эта малина».

В притяжательном склонении суффикс пролатива в отличие от основного склонения выступает только в заднерядных вариантах – -va/-ga/-ka-, например: val'me «окно» – val'ma-va-n «в мое окно», sur «палец» – sur-ga-n «по моему пальцу», pīf' «двор» – pəf'f-ka-n «по моему двору, по моим дворам».

К консонантным основам через интерфиксальный гласный может присоединяться -va: vaz'-ga-n и vaz'-ə-va-n «по моей шапке, по моим шапкам»; vaz'-ga-t и vaz'-ə-va-t «по твоей шапке, по твоим шапкам», как и в глушковско-алёксовских говорах [22. С. 14].

Заключение

На основе анализа диалектного материала в исследуемых говорах были выявлены следующие особенности в области морфологии имени существительного:

1) употребление разновариантных реляционных аффиксов по сравнению с другими мокшанскими говорами выше;

2) варианты аффиксов различаются глухостью и звонкостью, мягкостью и твердостью суффиксального согласного; переднерядностью и заднерядностью гласного;

3) агглютинация алломорфов подчиняется законам гармонии гласных. Уникальными являются:

4) пятивариантный аффикс пролатива: -va, -ga, -ge, -ka, -ke: pr'a-va «по голове», ftal-ga «по моему огороду», l'ej-g'e «по реке», pəlf-ka

«по снопу», rəŋ'f-k'e «по двору», в других диалектах – три варианта – -va, -ga, -ka;

5) четырехвариантный аффикс аблатива: -da, -d'e, -ta, -t'e; в других диалектах – три варианта – -va, -ga, -ka;

6) трехвариантный аффикс компаратива –ška, -čka, -č'ka: oftə-ška «с медведя», kə-čka «с дом» < kə[d+ š]ka, loman'č'ka «с человека» < loma[n'+-š]ka; в других диалектах – один вариант – -ška;

7) двухвариантный аффикс абессива: -ftəma, -ft'əme; в других диалектах – один вариант – -ftəma;

8) велярный вариант суффикса множественного числа основного склонения -t может присоединяться к основе с гласным переднего ряда в первом слоге, даже если предыдущий согласный мягкий парный: viŋ'ə-t / viR'-t «леса»; а после твердого непарного согласного, наоборот, присоединяется палатализованный вариант: kiŋ'-t «камни», si'l'mə-t' «глаза», тогда как в других диалектах наблюдается viR'-t', но keŋ'-t, si'l'mə-t;

9) в рядах min' «наш», t'in' «ваш» сохранился общемордовский суффикс множественности субъектов -nə-: viləsə-nə-k «в нашей деревне» в.м. viləsə-n-k других диалектов, viləsə-nə-nt «в вашей деревне» в.м. viləsə-n-t других диалектов.

На основе проведенного исследования считаем возможным констатировать, что вышеописанные морфологические особенности позволяют выделить глушковско-алексовские говоры в самостоятельную группу говоров мокшанского языка.

Литература

1. **Козлов В.И.** Расселение мордвы (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа : труды института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1960. Т. LXIII, вып. 1. С. 5–63.
2. **Феокистов А.П.** Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период). М. : Наука. 260 с.
3. **Raasonen H.** Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1893. Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors : Société Finno-Ougrienne, 1903. 123 p.
4. **Основы** финно-угорского языкознания. М. : Наука, 1974. 483 с.
5. **Bartens R.** Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki, 1999. 183 p.
6. **Керестеи Л.** Основы мордовского языкознания. Дебрецен : Изд-во Дебрецен. ун-та. 2017. 186 с.
7. **Бубрих Д.В.** Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1953. 272 с.
8. **Серебрянников Б.А.** Историческая морфология мордовских языков. М. : Наука, 1967. 262 с.
9. **Блашкина Т.Д.** Атюрьевский диалект мокша-мордовского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005. 17 с.

10. **Деваев С.З.** Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261–433.
11. **Феоктистов А.П.** Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. М. : Наука, 1975. С. 248–344.
12. **Липатов С.И.** Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1972. 24 с.
13. **Иванова Г.С.** Система гласных в диалектах мокшанского языка в историческом освещении. Саранск, 2006. 176 с.
14. **Жебраткина И.Я., Иванова Г.С.** История мокшанских диалектных классификаций // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2 (14). С. 85–88.
15. **Феоктистов А.П.** Мокшанские диалекты // X. Paasonens Mordwinišes Wörterbuch. Helsinki, 1990. С. 71–86.
16. **Бабушкина Р.В.** Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16–226.
17. **Азрапкин Ю.Н.** Колопинский говор мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1966. Т. 4. С. 26–51.
18. **Ломакина Т.И.** Городищенский диалект мокша-мордовского языка (краткий фонетический очерк) // Очерки мордовских диалектов. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1966. Т. 4. С. 289–330.
19. **Ананьина К.И.** Верхне-алатырские говоры мокшанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 21 с.
20. **Грамматика** мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 1962. 376 с.
21. **Мокшень** кяль. Морфология. Саранск : [б.и.], 2000. 236 с.
22. **Жебраткина И.Я.** Глушковско-алёксовские говоры в системе мокшанских диалектов : автореф. дис. ... канд. Филол. наук. Саранск, 2013. 22 с.
23. **Иванова Г.С.** Диалектная классификация мокша-мордовского языка (на основе лингвистического принципа) // Языки народов России: история и современность. Западный : Научно-исследовательский центр «АнтроВита», 2017. Т. I. С. 29–50.
24. **Плакшина Т.А.** Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002. 17 с.

Сведения об авторах:

Иванова Галина Софроновна – доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Республика Мордовия, Россия). E-mail: galina17-05@yandex.ru

Жебраткина Ирина Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент, Академия ФСИН России (Рязань, Россия). E-mail: miss.zhebratkina@mail.ru

Поступила в редакцию 12 февраля 2020 г.

THE INFLECTIONAL POTENTIAL OF A NOUN IN THE PAYOVSKO-ADASHEVSKY ACCENTS OF THE MOKSHA LANGUAGE

Ivanova G.S., D.Sc. (Philology), Associate Professor, Ogarev Mordovia State University (Saransk, the Republic of Mordovia, Russia). E-mail: galina17-05@yandex.ru

Zhebratkina I.Ya., Ph.D. (Philology), Assistant Professor, Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia (Ryazan, Russia). E-mail: miss.zhebratkina@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/49/4

Abstract. The research is the result of a study in the field of the Moksha dialectology. A number of scholars, in Russia and abroad, studied the dialects of the Moksha language. They are A. Reguly, H. Paasonen, V. Steinitz, E. Itkonen, D.V. Bubrich, R. Bartens, Yu.N. Azrapkin, K.I. Ananyin, A.P. Feoktistov, S.Z. Devaev, G.S. Ivanova and others. How-

Keywords: the Moksha language; the Payovsko-Adashevsky accents; a noun; morphological features; inflection; the main declension; the indicative declension; the possessive declension; case formants; agglutination.

1. Kozlov V.I. (1960) Rasselenie mordvy (Istoricheskij ocherk) [The Mordovians settlement (The historical study)] // Voprosy etnicheskoy istorii mordovskogo naroda : trudy instituta etnografii imeni N.N. Mikluho-Maklaya. Novaya seriya. M. : Izd-vo Akademii Nauk SSSR. Vol. LHHI (1), pp. 5–63.
2. Feoktistov A.P. (1990) Mokshanskije dialekty [The Moksha dialects] // X. Paasonen Mordwinišes Wörterbuch. Helsinki. pp. 71–86.
3. Paasonen H. (1893; 1903) Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung. Helsingfors; Mordwinische Lautlehre. MSFOu XXII. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne.
4. Osnovy finno-ugorskogo jazykoznaniya [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics] (1974). M. : Nauka.
5. Bartens R. (1999) Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki.
6. Kerestesh L. (2017) Osnovy mordovskogo jazykoznaniya [The fundamentals of Mordovian linguistics]. Debrecen : Izd-vo Debrecenskogo un-ta.
7. Bubrikh D.V. (1953) Istoricheskaya grammatika erzyanskogo jazyka [The historical grammar of the Erzya language]. Saransk : Mordov. kn. izd-vo.
8. Serebrennikov B.A. (1967) Istoricheskaya morfologiya mordovskikh jazykov [Historical morphology of the Mordovian languages]. M. : Nauka.
9. Blashkina T.D. (2005) Atyurievskij dialekt moksha-mordovskogo jazyka [The Atyuryevsky dialect of Moksha-Mordovian language]. Abstract of Philology cand. diss. Saransk.
10. Devaev S.Z. (1963) Sredne-vadskij dialekt moksha-mordovskogo jazyka [The Middle-Vadsky dialect of the Moksha-Mordovian language] // Ocherki mordovskikh dialektov. Saransk : Mordov. kn. izd-vo. Vol. 2. pp. 261–433.
11. Feoktistov A.P. (1975) Mordovskije jazyki [The Mordovian languages] // Osnovy finno-ugorskogo jazykoznaniya. M. : Nauka. pp. 248–344.

12. Lipatov S. I. (1972) Rybkinsko-mamolaevskie govory moksha-mordovskogo yazyka [The Rybkinsko-mamolayevsky accents of the Moksha-Mordovian language]. Abstract of Philology cand. diss. Tartu.
13. Ivanova G.S. (2006) Sistema glasnykh v dialektakh mokshanskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii [The system of vowels in the Moksha dialects in historical view] : monografiya. Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta.
14. Zhebratkina I. Ya., Ivanova G. S. (2013) Istoriya mokshanskih dialektnykh klassifikacij [The history of the Moksha dialects classifications] // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2 (14). pp. 85–88.
15. Feoktistov A.P. (1976) Ocherki po istorii formirovaniya mordovskikh pis'menno-literaturnykh jazykov (ranniy period) [Essays on the history of the formation of Mordovian writing and literary languages (early period)]. M. : Nauka.
16. Babushkina R.V. (1966) Temyashevskij dialekt moksha-mordovskogo yazyka [The Temyashevsky dialect of the Moksha-Mordovian language] // Ocherki mordovskikh dialektov. Saransk : Mordov. kn. izd-vo. Vol. 4. pp. 16–226.
17. Azrapkin Yu.N. (1966) Kolopinskij govor moksha-mordovskogo yazyka [The Kolopinsky dialect of the Moksha-Mordovian language] // Ocherki mordovskikh dialektov. Saransk : Mordov. kn. izd-vo. Vol. 4. pp. 26–51.
18. Lomakina T. I. (1966) Gorodishchenskij dialekt moksha-mordovskogo yazyka (kratkij foneticheskij ocherk) [The Gorodischensky dialect of the Moksha-Mordovian language (The short phonetic study)] // Ocherki mordovskikh dialektov. Saransk : Mordov kn. izd-vo. Vol. 4. pp. 289–330.
19. Ananiena K.I. (1974) Verhne-alatyrskie govory mokshanskogo yazyka [The Upper-Alatyr dialect of the Moksha language]. Abstract of Philology cand. diss. Tartu.
20. Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) jazykov [Grammar of the Mordovian languages] (1962). Saransk : Mordov. kn. izd-vo.
21. Mokshen' kyal'. Morfologiya [The Moksha language. Morphology] (2000). Saransk.
22. Zhebratkina I.Ya. (2013) Glushkovsko-alyokovskie govory v sisteme mokshanskih dialektov [The Glushkovsky-Alyokovsky dialects in the Moksha dialectic system]. Abstract of Philology cand. diss. Saransk.
23. Ivanova G.S. (2017) Dialektnaya klassifikaciya moksha-mordovskogo yazyka (na osnove lingvisticheskogo principa) [The dialect classification of the Moksha-Mordovian language (based on the linguistic principle)] // Jazyki narodov Rossii: istoriya i sovremenost' : monografiya. Zapadnyj: Nauchno-issledovatel'skij centr "AntroVita". Vol. 1. pp. 29–50.
24. Plaksina T.A. (2002) Areal'noe issledovanie severo-zapadnykh govorov moksha-mordovskogo yazyka [The areal observation of the northwestern Moksha-Mordovian dialects]. Abstract of Philology cand. diss. Saransk.

Received 12 February 2020